



Исследовательская статья

УДК 008 93 94

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-162-176>

## «ТИПИЧНЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ» И «БОЛЬШИЕ ДРУЗЬЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»: ПИСАТЕЛИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В СССР ВРЕМЁН ОТТЕПЕЛИ

Кристина Романовна Буйнова

МГИМО МИД России, Москва, Россия

[k.r.bujnova@inno.mgimo.ru](mailto:k.r.bujnova@inno.mgimo.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-6983-5212>



**Аннотация.** Статья посвящена визитам писателей из Латинской Америки в СССР с 1954 до начала 1960-х гг. по линии Иностранной комиссии Союза советских писателей (ИК ССП). После смерти Сталина работа всех отделов Комиссии значительно расширилась; списки приглашённых из-за границы отныне включали и безусловно лояльных СССР коллег, и новые, ещё неизвестные имена. В результате сотрудникам Иностранной комиссии пришлось столкнуться с невиданным плюрализмом. На основе отчётов испанских и португальских переводчиков ИК ССП, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), рассматриваются критерии, по которым пребывание иностранного деятеля воспринималось как благоприятное или нежелательное для продолжения сотрудничества с ним с целью улучшить имидж СССР в заграничных литературных кругах. Отдельное внимание в статье уделяется своеобразным маркерам лояльности: оценкам гостями результатов XX съезда КПСС и состояния советско-китайских отношений как чувствительных тем, важных для политического самоопределения писателей-коммунистов. Изучение источников позволяет сделать вывод, что при выборе новых заграничных партнеров ИК часто полагалась на советы уже состоявшихся «друзей», а протекте последних не всегда выдерживали проверку на совместимость с советским режимом. Конкретных критериев оценки не было. Переводчики привлекались со стороны, чётких инструкций от Комиссии не получали и руководствовались собственными представлениями о важности своего подопечного и целесообразности сотрудничества с ним. Впоследствии мнение переводчиков могло и не учитываться; предположительно, большее значение имели опубликованные по результатам визита в СССР публицистические и художественные произведения приглашённых писателей.

**Ключевые слова:** Союз советских писателей, Иностранная комиссия ССП, оттепель, Латинская Америка, латиноамериканская литература, друзья СССР

© Буйнова К.Р., 2021

**Для цитирования:** Буйнова К.Р. «Типичные буржуазные интеллигенты» и «большие друзья Советского Союза»: писатели Латинской Америки в СССР времён оттепели // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 162–176. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-162-176>

Research article

## **TYPICAL BOURGEOIS INTELLECTUALS AND GREAT FRIENDS OF THE SOVIET UNION: LATIN AMERICAN WRITERS IN THE USSR DURING THE KHRUSHCHEV THAW**

**Kristina R. Buynova**

MGIMO University, Moscow, Russia  
k.r.bujnova@inno.mgimo.ru  
<https://orcid.org/0000-0002-6983-5212>

**Abstract.** The author studies the Latin American writers' visits to the USSR from 1954 till beginning of 1960s realized via the Foreign Commission of the Union of Soviet Writers. After Stalin's death, the activity of all departments of the Commission expanded significantly; the lists of those invited from abroad now included writers who were absolutely loyal to the USSR as well as new and yet unknown names. As a result, the staff of the Foreign Commission had to face an unprecedented pluralism. Based on the Commission's Spanish and Portuguese translators' reports, stored in the Russian State Archive of Literature and Art, the study analyses the criteria based on which the stay of a guest was perceived as favorable or undesirable for continuing cooperation in order to improve the image of the USSR in foreign literary circles. The study also analyses somewhat of a loyalty marker, reflecting the guests' perception of the results of the 20th Congress of the CPSU and the state of Soviet-Chinese relations as sensitive topics important for the political self-determination of communist writers. The study of these new sources allows us to conclude that when choosing new foreign partners, the Foreign Commission often relied on the advice of its *faithful friends*, and the protégés of the latter did not always withstand the test of compatibility with the Soviet regime. At the same time, there was no specific criteria for the new friends' selection. The translators, who were the first to report on the visit, were invited from outside, sometimes just for one particular job; they did not receive clear instructions from the Commission and were guided by their own ideas about the importance of the writer in their care and the expediency of cooperation with him. Later their opinion could not be taken into account; presumably, it was the journalistic and novelistic production of the invited writers published as a result of the visit to the USSR that was of greater importance to decide whether they were worth further attention. The study reviews Soviet Writers' Union cooperation with P. Neruda, F. González-Urizar, N. Parra, V. Teitelboim, A. Cassigoli, F. Coloane (Chile), J. Amado, M. Rebelo, E. de Moraes, G. Figueiredo, H. Silveira (Brazil), I. Abirad, J.C. Pedemonte, M. Rosencof (Uruguay), N. Guillen, C. Leante, O. Hurtado, Samuel Feijoo (Cuba), E. Barrios Villa (Bolivia), C.A. Leon (Venezuela).

**Keywords:** Union of Soviet Writers, Foreign Commission of the USSR, thaw, Latin America, Latin American literature, friends of the USSR

**For citation:** Buynova, K. R. (2021) 'Typical Bourgeois Intellectuals and Great Friends of the Soviet Union: Latin American Writers in the USSR during the Khrushchev Thaw', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(3), pp. 162–176. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-162-176>

## Введение

**В** 1954 г. впервые почти за двадцать лет Союз советских писателей объявил о подготовке Второго Всесоюзного съезда, на который было приглашено беспрецедентное количество иностранных делегатов. Деятельность Союза стала заметно активнее и в других областях; его международные контакты значительно расширились. Зарубежных писателей ССП принимал и раньше, но теперь стало возможным приглашать не только безусловно лояльных авторов, но и тех интересных для СССР писателей, чьи идеологические установки до сих пор не позволяли рискнуть с приглашением.

Среди регионов третьего мира, попавших в политическую орбиту СССР с началом холодной войны, одним из самых многообещающих с точки зрения ретрансляции коммунистических ценностей ещё при Сталине стала Латинская Америка. Любимцами Советского Союза были Пабло Неруда, Жоржи Амаду, Альфонсо Гравина, Никанор Парра, Николас Гильен и другие. Все они рекомендовали Союзу писателей своих коллег из числа соотечественников, многие из которых в 1954 г. смогли поучаствовать во Втором съезде писателей. Затем Кубинская революция подогрела интерес к континенту и принесла возможность

чаще публиковать произведения его писателей в советской печати<sup>1</sup> и приглашать их посетить Страну Советов.

Функционирование Союза советских писателей, вписывающееся в историографию культурной дипломатии периода «оттепели» [Докучаева, Никонова, 2018; Нагорная, 2018; Попов, Трегубов, 2017; Советская культурная дипломатия, 2017; David-Fox, 2011; Gilburd, 2013; Gould-Davis, 2003], само по себе недостаточно изучено в литературе, хотя существуют работы об отдельных аспектах его деятельности<sup>2</sup> [Романова, 1993; Vaissié, 2017], в частности, о его съездах [Второй всесоюзный... 2018; Вьюгин 2020; Кормилов 2010]. Нельзя не отметить вклад ряда исследователей в изучение работы советских учреждений, связанных с взаимодействием с иностранными делегациями<sup>3</sup> [Попов, 2017а; Попов, 2017b; Трегубов, 2016; Нееке, 2003]. Однако деятельность Иностранной комиссии, которая непосредственно осуществляла сотрудничество с зарубежными авторами, до сих пор не получила должного внимания исследователей. Косвенное отражение деятельности соответствующих советских учреждений можно найти в работах, посвящённых изучению биографии и творческого наследия отдельных писателей в связи с их сотрудничеством с СССР и поездками в Восточную Европу<sup>4</sup> [Albuquerque,

<sup>1</sup> С начала 1960-х в журнале «Иностранная литература», который начал выходить в 1955 г., резко выросло количество переводов с испанского и португальского языков: см. «Иностранная литература», журн.: указатель содержания журнала (1955–1974). — Москва : Известия. 1977. — 368 с.

<sup>2</sup> Колесникова И.Н. Деятельность Союза писателей СССР во второй половине 50-начале 60-х годов : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. — Воронеж, 1997. — 271 с.; Луковцева Т.А. Союз писателей СССР в идеологической жизни советского общества (вторая половина 50-х – первая половина 60-х годов) : диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. — Москва, 1979. — 202 с.; Юнко М.В. Союз писателей СССР в идеологической жизни страны в первое послевоенное десятилетие : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. — Москва, 1981. — 167 с.

<sup>3</sup> Советское зазеркалье : иностранный туризм в СССР в 1930 – 1980-е годы : [учебное пособие] / Багдасарян В. Э. [и др.]. — Москва : Форум, 2007. — 255 с.

<sup>4</sup> Mundim Torres R. Transpondo a Cortina de Ferro: relatos de viagem de brasileiros à União Soviética na Guerra Fria (1951–1963). Tese apresentada ao Programa de Pós-graduação em História Social para a obtenção do título de Doutora em História. São Paulo. — 2019.

2011; Hollander, 1990; Монделло, 2018; Pedemonte, 2015; Rupprecht, 2015; Hacia la revolución..., 2007; Stern, 2006; Zourek, 2017; Zourek, 2019; Дармарос, 2018; Докучаева, Никонова, 2018; Савин, 2001; Трегубов, 2017], а также в трудах об этапах развития советской культуры<sup>5</sup> [Чупринин, 2020; Эггелинг, 1999; Юрчак, 2014]. Комплексное отражение данной темы ещё не нашло отражения в историографии.

В попытке восполнить эту лакуну нами было предпринято исследование взаимодействия Иностранной комиссии ССП с иностранными писателями и поэтами в годы «оттепели». Его составной частью стало изучение визитов испано- и португалоязычных писателей Латинской Америки и поэтов в СССР по линии ССП в 1954–1964 годах<sup>6</sup>. Целью работы — выяснить, по каким критериям тот или иной приглашённый писатель воспринимался как желанный гость или как неблагонадёжный элемент. Для решения этой проблемы следует ответить на следующие вопросы: как организовывалось пребывание иностранного гостя в СССР, кого и почему приглашали? Какие вопросы были открыты для обсуждения и каких позиций по этим вопросам должен был придерживаться «хороший» гость? Как он мог выразить лояльность советскому режиму?

Поскольку основным источником Иностранной комиссии для дальнейшего обсуждения целесообразности того или иного визита были отчёты переводчиков, всюду сопровождавших иностранцев, именно они стали основным источником исследования. Отчёты переводчиков и консультантов Иностранной комиссии хранятся в Российском государственном архиве

литературы и искусства (далее РГАЛИ). Большая часть этих материалов вводится в научный оборот впервые.

## Исследование

Документы ИК ССП дают представление о десятках визитов из латиноамериканских стран в СССР в период «оттепели». В данном исследовании учтены более тридцати визитов, описанных в отчётах переводчиков и консультантов Иностранной комиссии<sup>7</sup>.

Решение о приезде того или иного писателя принималось на заседании Иностранной комиссии. Специалисты соответствующего отдела давали характеристику произведениям того или иного писателя, не обходя стороной и его политические взгляды, принадлежность к какой-либо партии, ассоциации и пр. Одним из важных критериев была, конечно, его идеологическая надёжность и симпатия к социализму: репутационные издержки сотрудничества с нелояльным писателем могли быть огромны.

Первыми в списке приглашённых всегда были «друзья» СССР. Для 1950-х – начала 1960-х это не новая формулировка, а штамп не слишком гибких пропагандистских традиций предыдущей эпохи [Трегубов, 2017: 24], причём в случае с гостями ССП такое «звание» не присуждалось по результатам поездки, а становилось причиной её организации. Писатели, попавшие в Советский Союз не будучи членами этого узкого круга «своих», были претендентами на вступление или казались таковыми приглашающему их учреждению. В этом случае Иностранная комиссия нередко полагалась на

<sup>5</sup> Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 1960-е годы : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. — Москва, 2000. — 344 с.

<sup>6</sup> Нижняя граница соответствует решению об организации — впервые за 19 лет — второго съезда советских писателей. См. Записка отдела науки и культуры ЦК КПСС об изменении структуры Союза советских писателей. 6 октября 1953 г. // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы / Сост.: В.Ю. Афиани (отв. ред.), З.К. Водопьянова (отв. сост.) [и др.]. — Москва : 2001; Верхняя граница соответствует отставке Н.С. Хрущева и началу консервативных преобразований внутри ССП, положившим конец и «экспериментам» с неблагонадёжными приглашёнными.

<sup>7</sup> Между тем в СССР побывало значительно больше иностранных писателей из Латинской Америки. Беспрецедентное количество иностранных делегатов собрал Второй Всесоюзный съезд советских писателей (15–26 декабря 1954 г.), среди других почётных гостей на нём побывали Жоржи Амаду и Альфредо Гравина. 18–23 мая 1959 г. состоялся III съезд писателей, на котором Латинская Америка была представлена несколькими многочисленными делегациями.

рекомендации своих любимцев (так, активную роль в расширении иностранных контактов ССП играл Жоржи Амаду).

С инициативой об организации поездки мог выступить как сам писатель, так и Иностранная комиссия. Иногда иностранных писателей приглашали их советские коллеги<sup>8</sup>. Обычно Союз писателей охотнее отзывался на предложение, если потенциальный гость уже находился в Европе (реже — собирался в СССР проездом из Китая), и его расходы на путешествие, таким образом, существенно сокращались. Визы оформлялись через МИД и ВОКС (до преобразования его в ССОД в 1958 г.)<sup>9</sup>. Советские рубли писатели получали по приезду в качестве гонорара за опубликованные произведения, выступления на радио, написание статей для советской прессы<sup>10</sup>.

План поездки разрабатывался Иностранной комиссией в соответствии со временем, которым располагал гость (от нескольких дней до пары месяцев), и его пожеланиями. Как правило, все ехали в Москву и Ленинград, а в случае более продолжительной поездки популярными направлениями были также Киев, Тбилиси, Баку, Ереван, Таллин, Ташкент и другие.

К каждому гостю на всё время поездки был приставлен переводчик, который по завершению визита писал отчёт для ИК ССП. Переводчики были, как правило, сотрудниками Иностранной комиссии, и в штатном режиме они работали над художественными переводами иностранных писателей, а также над составлением обзоров и отчётов по литературе в странах, по кото-

рым они специализировались. Некоторых переводчиков привлекали со стороны для сопровождения делегаций.

Кроме осмотра достопримечательностей, достижений промышленности и народного хозяйства, регулярных (иногда каждый вечер!<sup>11</sup>) походов в театр и в музеи, в насыщенную программу визита как правило входили встречи с сотрудниками комиссии, редакцией журнала «Иностранная литература» и книжными издательствами, журналистами, советскими писателями и деятелями искусства, руководством разного уровня и, конечно, «простыми советскими гражданами».

Оценки и поведение гостя могли повлиять на выводы сотрудников Иностранной комиссии о благонадёжности писателя и целесообразности его очередных визитов в Советский Союз. При этом отчёты переводчиков в письменном виде не имели общего шаблона и писались в свободной форме. Одни подробно описывали все встречи и происшествия на десятке или даже двух десятках листов, другие ограничивались короткой запиской на пару страниц. Конечно, на бумагу попадало не всё. Ограничительную роль играла самоцензура как гостя, так и составителя отчёта<sup>12</sup>. Более того, какие-то высказывания гостей, особенно критически настроенных, приходилось облекать в приемлемую для отчёта форму (напр., «якобы советские писатели не имеют возможности писать то, что им хочется»<sup>13</sup> и т.п.), так что в определённом смысле сотруднику Иностранной комиссии приходилось производить перевод дважды<sup>14</sup>.

<sup>8</sup> Так, Марию Ирму Абирад и Хуана Карлоса Педемонте пригласили ещё в Уругвае гостившие там советские писатели несмотря на то, что в Иностранной комиссии их визит считали «нецелесообразным».

<sup>9</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 48. ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, с 1925 г.; ССОД — Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, с 1958 г.

<sup>10</sup> Здесь стоит отметить, что вывезти деньги из страны было затруднительно, и писателям оставалось только потратить их в СССР. «Опыт работы с иностранными делегациями, — пишет один из португальских переводчиков во время II съезда писателей в 1954 года, — показывает, что, получив советские деньги, делегаты испытывают огромную потребность истратить их как можно скорее и не останавливаются до тех пор, пока у них в кармане не останется ни одного рубля»: РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4458. Л. 4.

<sup>11</sup> Так, в план пребывания кубинского писателя Оскара Уртадо с 29 декабря по 30 января 1964 г. входило 13 походов в театр на балет, оперу и спектакли. РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4677. Л. 5.

<sup>12</sup> А.Д. Попов отмечает также общую тенденцию к позитивному отзыву среди иностранных гостей в СССР непосредственно во время пребывания в стране [Попов, 2017а: 153].

<sup>13</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4458. Л. 6. Курсив мой — К.Б.

<sup>14</sup> Подобные отчёты, не имеющие даже определённого стандарта, особенно ярко отражают владение их создателями моносемичным языком советской идеологии [Юрчак 2015: 73].

Как правило, в конце отчёта переводчик или консультант ИК давал общую оценку визиту. Несложно проследить своеобразные маркеры, которые превращали гостя либо в «большого друга Советского Союза», либо в «типичного буржуазного интеллигента». Например, недоверчивость, холодность и резкий тон сразу сделали уругвайских деятелей культуры Марию Ирму Абирад и Хуана Карлоса Педемонте нежеланными гостями. Мало того, что по приезде Абирад «зло иронизировала по поводу “блестящей способности советских людей к организации”, “бюрократических замашек”, “железного занавеса” и т. д.», так она ещё имела несогласие с тем или иным явлением советской жизни». Судя по тону отчёта, можно не сомневаться, что советским писателям, когда-то гостившим в Уругвае, почти наверняка был сделан выговор за приглашение этих «типичных представителей буржуазной интеллигенции Уругвая, весьма настороженно настроенных к Советскому Союзу»<sup>15</sup>.

Этот случай не уникален: чилийский поэт Фернандо Гонсалес Урисар был приглашён консультантом, который не согласовал этот вопрос с руководством. Из-за последовавших проволочек Урисар забросал Союз писателей письмами, и организовывать его поездку пришлось срочно, чтобы не потерять лицо. При этом чилиец оказался аполитичным деятелем искусства, который «во время неоднократных споров упорно отстаивал свою точку зрения». Подводя итоги его визита, сопровождавший его переводчик был категоричен: «учитывая то обстоятельство, что в Чили сейчас творит целая плеяда высоко одарённых поэтов, не чурающихся социальных проблем и современных конфлик-

тов, надо признать, что приглашение Фернандо Гонсалеса Урисара было досадной ошибкой»<sup>16</sup>.

Ещё большей ошибкой должно было показаться Иностранной комиссии приглашение бразильца Маркеса Ребельо<sup>17</sup>: независимо друг от друга жалобы на него задокументировали по крайней мере три переводчика. Ребельо начал с того, что объявил, что приехал «на основе своих наблюдений составить собственное мнение» об СССР, но немедленно по прибытии его «заставили слушать трехчасовые доклады». Поэтому очень скоро он начал «вырывать из-под опеки переводчика». Иногда, например, он отпускал переводчика домой, обещая лечь в постель, а потом его встречали через несколько часов возвращающимся с прогулки. Кроме того, будучи делегатом II съезда писателей, Ребельо не только не интересовался его работой, но и открыто заявлял, что «вся работа наших писателей находится под контролем партии и правительства», отказываясь (!) «делить всех писателей на прогрессивных и реакционных» и осмеливался даже «в резко отрицательном духе отзываться о взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса на искусство». «Используя язык американской реакционной прессы», Ребельо рекомендовал советскому правительству как можно скорее уничтожить железный занавес. Кроме Ребельо и Абирад, занавес как явление не осмеливался упоминать больше никто<sup>18</sup>. Видимо, только авторитет Жоржи Амаду, рекомендовавшего этого «идеалиста и реакционера» (формулировка переводчицы) ССП в качестве делегата, объясняет, почему выводы сопровождавшего всё же не звучат как приговор: «Целесообразность приглашения Маркеса Ребельо ещё не выяснена. Это можно будет увидеть по характеру статей, которые Ребельо обещал опублико-

<sup>15</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4730. Л. 1–2.

<sup>16</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4783. л. 4.

<sup>17</sup> В документах Иностранной комиссии его имя транскрибировано [Ребельо], хотя согласно правилам португальской фонетики правильной транскрипцией было бы [Ребелу].

<sup>18</sup> Исследователи отмечают, что во время Второго съезда писателей наблюдался небывалый политический плюрализм. См. [Кормилов, 2010]. Атмосфера этого уникального события, несомненно, заслуживает отдельного исследования.

вать в своей газете после возвращения на родину»<sup>19</sup>.

Сравниться с Ребелью в эксцентричности удалось ещё одной приглашённой по рекомендации Жоржи Амаду. Детская писательница Энеида Мораис, описанная обычно сдержанной переводчицей как «алкоголичка, неврастеник, в высшей степени неуравновешенный и неорганизованный человек», посетила III съезд писателей в 1959 г. и создала несколько «просто вопиющих по своему безобразию положений». Представлению лично Н.С. Хрущеву она предпочла рюмку (sic), о Марксе говорила цинично, обо всех писателях-коммунистах отзывалась неодобрительно, отпускала «архинепристойные» шутки и, судя по намекам в отчёте, проявляла распушенность<sup>20</sup>.

По сравнению с этими случаями другие кажутся довольно невинными. Так, бразильский писатель Гильерме Фигейредо, не принимавший «никакого участия» в политической жизни своей страны и выступавший при этом за установление дружеских культурных связей между государствами различных социальных систем, был записан в «типичные либеральные буржуазные интеллигенты». Несмотря на доброжелательное отношение к СССР, пишет его переводчик, Фигейредо «отмечал некоторые мелкие недостатки», например, «крайне медленное обслуживание в наших ресторанах». Однако он не акцентировал внимания на этих недостатках, «давая понять, что он считает их временными, подлежащими скорой ликвидации»<sup>21</sup>.

Эта одержимость<sup>22</sup> — как бы иностранец ни сыскал большего «недостатка», чем тот, что подлежит скорой ликвидации! —

проявляется и в других отчётах. Критика «недостатков», между тем, позволялась уже зарекомендовавшим себя гостям, которые умели преподнести их правильно<sup>23</sup>. Переводчик, сопровождавший Никанора Парру, которого он называет «наш друг», переживал из-за «другого обстоятельства, которое нашим гостем воспринималось как недостаток, хотя мы тут ничего не можем поделать, это отсутствие или ограниченность обыкновенной, туристской информации о городах»<sup>24</sup>. Перенервничать пришлось и переводчику Николаса Гильена: тот «неоднократно выражал неудовольствие по поводу недостатков в обслуживании в гостинице “Минск” (нет большого зеркала, плохо работает лифт и т.д.), подчёркивая, что на Кубе и в других странах, например, в Венгрии, сервис лучше». Особенное неудовольствие Гильена вызвал забронированный номер, который оказался недостаточно хорош для председателя Союза писателей и деятелей искусств Кубы<sup>25</sup>. Несмотря на это, переводчик не стал обличать Гильена как буржуазного интеллигента.

Володя Тейтельбойм, чилийский поэт и общественный деятель, член ЦК Компартии Чили с 1946 г., тоже не стеснялся выражать свои впечатления (в частности, сказал, что советское кино деградирует), за что и удостоился следующего вердикта переводчицы: «его поведение и разговоры совершенно не соответствуют его политическому положению»<sup>26</sup>. Впрочем, Иностранная комиссия к оценке ещё посталински «бдительной» переводчицы не прислушалась<sup>27</sup>, и общения с Тейтельбоймом после этого не прекратила.

Между тем лучшие гости находили самые правильные слова для дружеской

<sup>19</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4458. К слову, через два года Ребелью опубликовал сочинение Cortina de ferro [Rebêlo, 1956], достойно продолжающее традицию путевых записок по России маркиза Астоляфа де Кюстина Подробнее об этом сочинении см.: Mundim Torres, 2019.

<sup>20</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4472. Л. 2–4.

<sup>21</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4473. Л. 2.

<sup>22</sup> А. Голубев называет эту одержимость аффектом стыда. См. [Голубев 2018].

<sup>23</sup> Правильное преподнесение критики как необходимый навык для лояльного коммуниста отмечает также чешский исследователь М. Зоурек. [Zourek 2017: 340]

<sup>24</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4784. Л. 5.

<sup>25</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4679. Л. 2.

<sup>26</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4763. Л. 10.

<sup>27</sup> В дальнейшем Иностранная Комиссия с этой переводчицей, А. Вышинской, не сотрудничала.

критики. Так, чилиец Армандо Кассиголи, «большой друг Советского Союза» и «личный друг Пабло Неруды», настаивал, что информация о всеобщей грамотности гораздо важнее для сочувствующего читателя, чем сотни цифр, рисующих экономические и технические достижения: «Как жаль, что вы сами так мало пропагандируете то, что у вас есть!». Вечный дефицит в устах чилийца превращался в благодать, ведь «город у вас просто город, чтобы в нём жить, нет назойливой рекламы, превращающей город в место для купли и продажи» и массово оглупляющей европейцев<sup>28</sup>. Уругваец Маурисью Розенкоф, сделав целый ряд критических наблюдений, «всемерно подчёркивал, однако, что, во-первых, он высказывает лишь свое личное мнение, и во-вторых, делает свои критические наблюдения с дружеских позиций»<sup>29</sup>.

Итак, хороший гость «старается осмыслить увиденное»<sup>30</sup>. У таких людей есть «ценные качества: умение объективно оценивать обстановку и большая внутренняя симпатия к Советскому Союзу»<sup>31</sup>, «стремление не только увидеть, но и разобраться во всём»<sup>32</sup>. Это «скромные и очень серьезные люди, с большим уважением отзывавшиеся о нашей стране»<sup>33</sup>. Формулу успеха в СССР, характерно личную, лучше всего выразил переводчик, сопровождавший С. Ланте и Н. Гонсалес Фрейре: «Высказывания наших гостей... всегда были такими, каких мы можем ожидать от наших близких друзей»<sup>34</sup>.

Отчёты переводчиков отражают, между тем, высказывания гостей по довольно ограниченному числу вопросов. Насыщенность культурной программы (а также принадлежность как сопровождаемых, так сопровождающих к области художественной литературы) естественным образом

предполагала обсуждение проблем «прогрессивного» искусства. Однако оценки политического содержания произведений попадали на бумагу только в том случае, если речь шла о зарубежных реалиях. Впрочем, не стоит искать в этом попыток со стороны переводчика обойти острые углы: латиноамериканские писатели редко проявляли глубокие познания советской действительности (будь то в области внутренней политики или искусства). В то же время для этих гостей важными с точки зрения позиционирования себя в коммунистическом мире были, по свидетельству переводчиков, две чувствительные темы: интерпретация материалов XX съезда КПСС и советско-китайского раскола.

«Неудобность» первой темы лучше всего иллюстрирует отсутствие визитов в 1956–1957 годах<sup>35</sup>. Можно было бы ожидать, что и в следующие годы болезненный вопрос культа личности просто обходился стороной, но это не так. «Настоящий друг Советского Союза» умел выразить одобрение и поддержку советскому народу в тяжёлый момент разочарования. Была уместна даже некоторая дружеская критика, так как считалось, разумеется, что этот недостаток советской жизни был благополучно ликвидирован. Чилиец Армандо Кассиголи говорил о том, что «период культа личности отразился не только на политике, но и на многих сторонах жизни и искусства, даже и у нас, в Чили. Хорошо, что теперь положение изменилось»<sup>36</sup>. Бразильянка Елена Сильвейра снисходительно заметила, что «после ликвидации культа личности со свободой личности дело обстоит лучше. Я вижу, что люди, не страшась, говорят, что думают. И я надеюсь, что в дальнейшем свобода личности будет всё расширяться»<sup>37</sup>.

<sup>28</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4778. Л. 4–6.

<sup>29</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4748. Л. 3.

<sup>30</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4778. Л. 3.

<sup>31</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4586. Л. 8.

<sup>32</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4748. Л. 4.

<sup>33</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4655. Л. 23.

<sup>34</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4667. Л. 3.

<sup>35</sup> Опираясь на материалы РГАЛИ, можно сказать, что количество визитов писателей из других регионов также сократилось.

<sup>36</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4778. Л. 7.

<sup>37</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4489. Л. 3.



Антисталинскую риторику взяли на вооружение и другие. Энеида Мораис критиковала «культ личности» как явление в целом, ссылаясь на ситуацию в компартии Бразилии<sup>38</sup>. Кубинец Оскар Уртадо пытался объяснить специфический стиль администрирования искусства на Кубе тем, что «все старые члены ЦК — это люди, получившие политическое воспитание в духе сталинизма, это старые догматики»<sup>39</sup>. Аргумент о старых догматиках, должно быть, убедил не только его: в 1964 г. Маурисио Розенкоф и его супруга, прибывшие в СССР на следующий день после новости об отставке Хрущева, сначала пришли от неё в недоумение, но быстро «правильно поняли смысл происшедшего»: «...нас радует тот факт, что Компартия СССР настолько непримиримо борется с последствиями культа личности, что пошла даже на отставку человека, приобретшего огромный авторитет в международном движении за мир»<sup>40</sup>.

Были среди гостей и редкие провокаторы. Например, приехавший в СССР в 1962 г. Эрасмо Барриос Вилья смущал встречаемых им советских людей сталинскими цитатами и «восхвалял культ личности, его защитников и прямых пособников». Стоит ли уточнять, что в конце отчёта о работе с ним его переводчик написал: «Мне кажется, что этот человек — боливийский писатель Эрасмо Барриос Вилья — не должен больше приезжать в СССР»<sup>41</sup>.

Вообще в отчётах чувствуется некоторая бравада, с которой переводчики выражают готовность обсудить развенчание культа личности, представляя этот процесс как выдающееся достижение советского народа. Показателен случай в Театре Сатиры в 1962 г., когда кубинцы Сесар Леанте и Нативидад Гонсалес Фрейре удивились

дерзости выступления Аркадия Райкина, потому что до сих пор считали, что за годы культа личности самокритика советского общества превратилась в фикцию. В ответ переводчик с энтузиазмом рассказал им «подробно о критике и самокритике — законе нашей общественной жизни» и о том, как сатира черпает силы в «процессе обновления, начатого XX и XXII съездами»<sup>42</sup>.

Секретный доклад Хрущева, о содержании которого очень скоро стало известно даже латиноамериканским писателям, имел на эту среду и другое интересное влияние: в неожиданно невыгодном свете предстали ещё недавние советские любимцы, прославлявшие Сталина. И если в самом Союзе писателей к их положению отнеслись скорее с сочувствием и отмежеваться не торопились<sup>43</sup>, то некоторые гости не преминули намекнуть на «ошибки» некогда обласканных СССР писателей. Особенно досталось лауреатам Сталинской премии: Жоржи Амаду (премия 1951г.) и Пабло Неруде (премия 1953 г.)<sup>44</sup>.

Жоржи Амаду очень болезненно отреагировал на события XX съезда<sup>45</sup>, вышел из коммунистической партии Бразилии, а в творчестве стал отходить от социальных проблем [Albuquerque, 2011: 67–68; Zourek, 2019: 266]. Для обсуждения его творчества и, опосредованно, его нового положения в советской печати, в Иностранной комиссии созывались специальные экспертные заседания. Некоторые соотечественники Амаду, пытаясь соответствовать конъюнктуре момента (и, возможно, не в силах сдержать профессиональную ревность и зависть) поспешили «похоронить» его для советской печати. Елена Сильвейра сказала об Амаду: «В груди Ж. Амаду совсем погас революционный огонь», после чего последовало целое раз-

<sup>38</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4472. Л. 2.

<sup>39</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4677. Л. 3.

<sup>40</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4748. Л. 3.

<sup>41</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4439. Л. 2.

<sup>42</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4667. Л. 2.

<sup>43</sup> См., напр., РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4471.

<sup>44</sup> Надо сказать, что оба также выступили в защиту Б.Л. Пастернака: РГАЛИ. Ф. 379 оп. 5 ед. хр. 295; Там же. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4479.

<sup>45</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4478. Л. 2.

мышление о том, как Амаду оказался в «лагере реакции» и ради места в Академии Литературы «совсем ушёл от коммунистов и социальной литературы»<sup>46</sup>. В том же 1962 г. Дина Сильвейра де Кейрос, жалуясь на трудности писательской жизни в Бразилии, язвительно добавила, что только один Амаду может жить на гонорары<sup>47</sup>. Не в последнюю очередь растущая популярность Амаду в Латинской Америке не позволила ИК ССП порвать с ним отношения. К разочарованию завистников, в начале 1960-х гг. его тиражи в СССР восстановились, в 1962 г. Жоржи Амаду торжественно поздравили с юбилеем, и его критика смягчилась [Дармарос, 2018: 253–255].

Пабло Неруда так же тяжело воспринял разоблачение сталинизма на XX съезде КПСС, но из Компартии не вышел и контактов с СССР не разорвал [Pedemonte, 2015: 176; Zourek, 2019: 266]. В 1964 г. его желчно критиковал пребывавший в тот момент в Москве Николас Гильен, к которому ряд корреспондентов газет и радио обратились с просьбой выступить с поздравлением Неруды с 60-летием. «Гильен отвечал согласием, писал и произносил тёплые слова в адрес Неруды, но в то же время в беседе с переводчиком с раздражением говорил о «неимоверном тщеславии» Неруды, утверждая, будто «Неруда сам организует себе рекламу в Москве» и что «этот юбилей проводится по просьбе самого Неруды»<sup>48</sup>. Досталось чилийцу и от Урисара, считавшего, что в его поэзии «социальная идея умерщвляет стих»<sup>49</sup>. Впрочем, в том же ключе Урисар «с нескрываемой злостью» высказался и о Никаноре Парре, мол, тот в последнее время превратился «из камерного лирика в создателя гражданственных стихов»<sup>50</sup>.

Не всегда очевидно, чего в таких комментариях больше: злорадства или отча-

янной попытки подстроиться под непростые требования советской идеологии. В конечном счёте, и то, и другое было попыткой продемонстрировать собственную лояльность.

В свою очередь, самому СССР приходилось выдерживать конкуренцию коммунистического Китая. Необходимо понимать, что после XX съезда левые латиноамериканские круги испытали глубокое разочарование в коммунизме, по крайней мере в его советской модели, и многие обратили свой взгляд на Китай и — с 1959 года — Кубу [Zourek, 2019: 20]. И если о соперничестве с Кубой за авторитет среди коммунистов не могло идти и речи, то в случае с Китаем вопрос стоял ребром [Галенович, 2011: 45]. Многие из приглашённых уже бывали в Китае или собирались туда после поездки в СССР, и Союз Писателей следил за этим сотрудничеством с тревогой<sup>51</sup>. Между тем среди «верных друзей» Советского Союза стало хорошим тоном выразить сожаление о расколе в коммунистическом мире и как бы вскользь обратить внимание на несовершенство китайской модели (намекнув на настоящего виновника раскола).

Ангажированность антикитайского дискурса особенно заметна в случае Урисара, который на официальной встрече Союза писателей ругал китайскую компартию, а в личных беседах с переводчиком, согласно отчёту последнего, «от прежних разговоров о чудовищности позиции пекинских вождей не осталось ни отголоска»<sup>52</sup>. Куда осторожнее оказался венесуэлец Карлос Аугусто Леон — «настоящий друг Советского Союза», которого «искренне огорчают разногласия между СССР и Китаем, хотя по китайскому вопросу он высказался скупой и односложно»<sup>53</sup>. Совершенно с той же аргументацией уже другой переводчик описывает терзания чилийца Франсиско Колоа-

<sup>46</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4489. Л. 4.

<sup>47</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4490. Л. 2.

<sup>48</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4679. Л. 2.

<sup>49</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4783. Л. 2–3.

<sup>50</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4783. Л. 3.

<sup>51</sup> Многочисленные письма с отчётами о пребывании в КНР, которые иностранные писатели присылали в ИК ССП или отдельным его сотрудникам, могли бы составить отдельный жанр среди осевших в соответствующем фонде документов.

<sup>52</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4783. Л. 3.

<sup>53</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4586. Л. 13.

не: «о Китае наш гость избегал говорить. Он — старый революционер, испытанный боец компартии. Для него расхождения между нашими странами — трагическое недоразумение». При этом, если верить тому же переводчику, «иногда в разговоре у него прорывались какие-то восклицания, относительно того, как “плохо у них там в Пекине”, или какая резкая разница в общественной атмосфере, царящей “у вас” и “у них”»<sup>54</sup>.

Зато для кубинцев советско-китайский раскол в каком-то смысле был уникальной возможностью реализации, и его представителем, как, например, Самюэля Фейхоо, проблема советско-китайских отношений интересовала «во всей её широте». По сообщению его переводчицы, Фейхоо никогда не уходил от обсуждения этой темы, и высказывался «в резко антикитайском духе», на всех встречах подчеркивая: «Мы на Кубе понимаем, что прав Советский Союз»<sup>55</sup>.

### Заключение

Итогом путешествия по СССР «человека сочувствующего» должно было быть «верное представление о нас, о нашей истории и настоящем»<sup>56</sup>. Гости должны были «правильно понять смысл» происходящего<sup>57</sup> и уехать «вооружёнными до зубов для борьбы за социалистический реализм»<sup>58</sup>, чтобы в дальнейшем сообщить правильную позицию своей аудитории и «повысить международный престиж СССР». При этом, доверившись мнению проверенных партнёров (как в случае с М. Ребелью и Э. Мораис, которых рекомендовал Жоржи Амаду), с приглашёнными не всегда угадывали. Некоторые гости стремились провести время в СССР по своей собственной программе, задавали неудобные вопросы, вели себя недоверчиво и переживали, «как бы [им] не подсунили вместо правды то, что “специально показывают иностранцам”»<sup>59</sup>.

Интересно, что желание «на основе своих наблюдений составить собственное мнение», свойственное «реакционеру», и «стремление разобраться во всем», испытываемое «большим другом СССР», соотносятся в этом дискурсе примерно так же, как космополитизм с интернационализмом. Мы видим, таким образом, подтверждение тезиса о том, что граница между приемлемыми и неприемлемыми проявлениями культуры гостя определялась не особенностями этой самой культуры, а внутренними противоречиями советского идеологического дискурса [Юрчак, 2015: 208].

В этом смысле характерно, что вывод о возможной нецелесообразности того или иного визита делается в конце, что логично; но при этом утверждением гостя как «друга» отчёт именно предваряется, становясь таким образом пресуппозицией. «Друзьям» больше позволялось и больше прощалось, например, прощались те же «буржуазные» замашки, которые становились свидетельством чуждости иностранцев, которые ещё не заслужили статус «друга СССР».

Но любые промахи восполнялись готовностью гостя «правильно» воспринимать (а впоследствии и ретранслировать) конъюнктуру момента. После XX съезда самыми чувствительными темами в разговорах с иностранными писателями были культ личности Сталина, состояние советско-китайских отношений и китайская модель коммунизма. Упомянуть о железном занавесе было, вероятно, дурным тоном, хотя источники не позволяют говорить об этом со всей уверенностью. Предупредительность иностранцев при обсуждении этих тем была выражением верности советскому режиму. Альтернативным (и гораздо менее удачным) способом выразить свою лояльность была критика соперников.

При этом нельзя сказать, что именно визит и личное общение с автором в ССП

<sup>54</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4788. Л. 1.

<sup>55</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4678. Л. 7.

<sup>56</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4784. Л. 4.

<sup>57</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4748. Л. 3.

<sup>58</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4472. Л. 7.

<sup>59</sup> РГАЛИ. Ф. 631 оп. 26 ед. хр. 4489. Л. 2.

прямо влияли на тиражи. Как известно, в годы оттепели принятие таких решений зависело от интерпретации произведения, которая в силу постоянных колебаний официальных установок могла оказаться непредсказуемой. Сам по себе визит гаран-

тировал внимание к писателю, но не тиражи. И всё же гораздо большим был риск для принимающей стороны: ведь по итогам поездки писатели создавали публицистические и художественные произведения, которые не подвергались советской цензуре.

### Список литературы:

Докучаева С.В. Институциональная структура и целевые аудитории советской культурной дипломатии в странах Латинской Америки в 1950–1960-е гг. / С.В. Докучаева, О.Ю. Никонова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. — 2018. — Т. 18, № 1. — С. 14–17. — DOI: 10.14529/ssh180102.

Нагорная О.С. От мировой революции к империи мира? Сталинские премии мира в контексте послевоенных репрезентаций СССР // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е гг. : Материалы X международной научной конференции, Москва, 05–07 декабря 2017 года. — Москва : Политическая энциклопедия, 2018. — С. 341–349.

Попов А.Д. Советская культурная дипломатия в 1956–1967 гг.: импульс и динамика «культурного наступления» / А.Д. Попов, Н.А. Трегубов // Советская культурная дипломатия в годы Холодной войны (1945–1989): сб. документов. — Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2017. — С. 69–76.

Советская культурная дипломатия в годы Холодной войны (1945–1989): сб. документов / Южно-Уральский государственный университет ; редакционная коллегия: О.С. Нагорная [и др.]. — Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2017. — 339 с.

David-Fox M. Showcasing the Great Experiment Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921-1941. — Oxford, New York : Oxford University Press, 2011. — XII, 396 p. — DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199794577.001.0001.

Gilburd E. The Revival of Soviet Internationalism in the 1950s // The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s. — Toronto : University of Toronto Press, 2013. — 262–401 pp.

Gould-Davis, N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History. — Vol. 27, No. 2. — Pp. 193–214. — DOI: 10.1111/1467-7709.00347.

Романова Р. Союз писателей СССР перед своим Вторым съездом (По материалам Центра хранения современной документации) // Вопросы литературы. — 1993 — №3. — С. 215–259.

Vaissié, C. The Union of Soviet Writers (1934–1991). A Means for a Goal and a Model for all the Creative Unions in the Soviet Bloc. // Studia Política. — Vol. 17, N. 1. — 2017. — Pp. 37–56.

Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перехода и трансформация советской литературы. 1954 / В.Ю. Вьюгин, М.Н. Нечаева, Е.А. Рожнецова и др. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. — 582 с.

Вьюгин В.Ю. Задумано Сталиным – сделано Хрущевым (еще раз о Втором Всесоюзном съезде советских писателей СССР) // Русская литература. — 2020. — № 3. — С. 232–241. — DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-232-241.

Кормилов С.И. Второй съезд советских писателей как преддверие «оттепели» // Вестник МГУ. Серия 9: филология. — 2010. — № 4. — С. 48–65.

Попов А.Д. «Увидеть. Понять. Полюбить»: советский иностранный туризм в контексте публичной дипломатии периода холодной войны // Новейшая история России. — 2017. — № 4. — С. 148–160. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.411.

Попов А. Lost in translation: гиды-переводчики «Интуриста» и оправдание советской действительности // Новое литературное обозрение. — 2017. — Т. 143, № 1. — С. 54–65.

Трегубов Н.А. Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами как орган советской культурной дипломатии (1957–1967 гг.) // Управление в современных системах. — 2016. — № 4. — С. 61–67.

- Heeke, M. *Reisen Zu Den Sowjets. Der Ausländische Tourismus in Russland 1921–1941.* — Münster : Lit, 2003. — XI, 679 p.
- Albuquerque, G. *La Trinchera Letrada: Intelectuales latinoamericanos y Guerra Fría.* — Santiago de Chile : Ariadna ediciones, 2011. — 329 p.
- Hollander, P. *Political Pilgrims. Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China and Cuba, 1928–1978.* — Lanham : University Press of America, 1990. — XLVI, 526 p.
- Монделло, Э. Россия в путевых записках Итало Кальвино и Альберто Моравиа // Имагология и компаративистика. — 2018. — № 10. — С. 172–182. — DOI: 10.17223/24099554/10/9.
- Pedemonte, R. *Pablo Neruda, su tiempo y el «sentido de la historia»: postura ideológica y creación poética durante la Guerra Fría.* // *Ayer.* — 2015. — 2. — Pp. 159–185.
- Rupprecht, T. *Soviet internationalism after Stalin. Interaction and Exchange between the URSS and Latin America during the Cold War.* — Cambridge : Cambridge University Press, 2015. — X, 334 p. — DOI: 10.1017/CBO9781316212769.
- Hacia la revolución: Viajeros argentinos de izquierda / C. Astrada; E. Castelnuovo; N.A. Frontini; S. Saïtta. — Buenos Aires : Fondo de Cultura Económica, 2007. — 347 p.
- Stern, L. *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920–40: From Red Square to the Left Bank.* — London : Routledge, 2006. — 288 p. — DOI: 10.4324/9780203008140.
- Zourek M. *Los viajes de los intelectuales latinoamericanos a Europa Oriental 1947–1956: organización, circuitos de contacto y reflexiones* // *Ars & Humanitas.* — Vol. 11, № 2. — Pp. 331–347. — DOI: 10.4312/ars.11.2.331-347.
- Zourek M. *Praga y los intelectuales latinoamericanos (1947–1959).* — Rosario : Prohistoria Ediciones, 2019. — 312 p.
- Дармарос М. Жоржи Амаду и СССР. Заметки к теме // *Литература двух Америк.* — 2018. — № 5. — С. 230–282. — DOI: 10.22455/2541-7894-2018-5-230-282.
- Савин В.М. Из истории международного культурного сотрудничества общественных организаций СССР и стран Латинской Америки // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* — 2001. — № 1. — С. 109–120.
- Трегубов Н.А. Советское агитационное воздействие на целевую аудиторию в социалистических, развивающихся и капиталистических странах (вторая половина 1940-х – середина 1960-х гг.) // *Управление в современных системах.* — 2017. — № 4. — С. 22–31.
- Чупринин С.И. *Оттепель: События. Март 1953 - август 1968 года.* — Москва : Новое литературное обозрение, 2020. — 1189 с.
- Эггелинг В. *Политика и культура при Хрущеве и Брежневe. 1953–1970.* — Москва : АИРО-XX, 1999. — 310 с.
- Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение.* — Москва : Новое лит. обозрение, 2014. — 661 с.
- Rebello M. *Cortina de ferro.* — São Paulo : Martins, 1956. — 307 p.
- Голубев А. *Западный наблюдатель и западный взгляд в аффективном менеджменте советской субъективности* // *После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): Сб. статей.* — Санкт-Петербург : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2018. — С. 219–253.
- Галенович Ю.М. *Китайские поминки по КПСС и СССР.* — Москва : Восточная книга, 2011. — 263 с.

## References:

Dokuchaeva, S. and Nikonova, O. (2018) 'The institutional structure and the target audiences of the ussr's culture diplomacy in the countries of Latin America in 1950–1960-s', *Bulletin of the South Ural State University Series «Social Sciences and the Humanities»*, 18(1), pp. 14–17. doi: 10.14529/ssh180102. (In Russian).

Nagornaya, O. S. (2018) 'Ot mirovoy revolyutsii k imperii mira? Stalinskie premii mira v kontekste poslevoennykh reprezentatsiy SSSR [From a world revolution to an empire of peace? Stalin Peace Prizes

in the context of post-war representations of the USSR', in *Uroki Oktjabrja i praktiki sovetskoj sistemy, 1920–1950-e gody* [Lessons from October and the practice of the Soviet system. 1920–1950s: Conference Proceedings]. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 341–349. (In Russian).

Popov, A. D. and Tregubov, N. A. (2017) 'Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v 1956–1967 gg.: impul's i dinamika «kul'turnogo nastupleniya» [Soviet cultural diplomacy in 1956–1967: the impulse and dynamics of the "cultural offensive"]', in *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v gody Kholodnoy voyny (1945–1989)* [Soviet cultural diplomacy during the Cold War (1945–1989): collection of documents]. Chelyabinsk: Južno-Ural'skij gosudarstvennyj universitet Publ., pp. 69–76. (In Russian).

Nagornaya, O. S. (ed.) (2017) *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v gody Kholodnoy voyny (1945–1989)* [Soviet cultural diplomacy during the Cold War (1945–1989): collection of documents]. Chelyabinsk: Južno-Ural'skij gosudarstvennyj universitet Publ. (In Russian).

David-Fox, M. (2011) *Showcasing the Great Experiment Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. Oxford, New York: Oxford University Press. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199794577.001.0001.

Gilburd, E. (2012) 'The Revival of Soviet Internationalism in the 1950s', in *The thaw : Soviet society and culture during the 1950s and 1960s*. Toronto: University of Toronto Press, pp. 262–401.

Gould-Davies, N. (2003) 'The Logic of Soviet Cultural Diplomacy', *Diplomatic History*, 27(2), pp. 193–214. doi: 10.1111/1467-7709.00347.

Romanova, R. (1993) 'Soyuz pisateley SSSR pered svoim vtorym s»ezdom [USSR Writers' Union before its second congress]', *Voprosy literatury*, (3), pp. 219–230. (In Russian).

Vaissié, C. (2017) 'The union of soviet writers (1934–1991). A means for a goal and a model for all the creative unions in the soviet bloc | L'Union des écrivains soviétiques (1934–1991) Un moyen pour une fin et le modèle de toutes les unions créatrices du bloc soviétique', *Studia Politica*, 17(1), pp. 37–56.

V'iugin, V. I., Nechaeva, M. N. and Rozhentseva, E. A. (2018) *Vtoroy Vsesoyuznyy sezd sovetskikh pisateley. Ideologiya istoricheskogo perekhoda i transformatsiya sovetskoy literatury. 1954* [Second All-Union Congress of Soviet Writers. The ideology of the historical transition and the transformation of Soviet litera. Saint Petersburg: Aleteiia Publ. (In Russian).

V'iugin, V. I. (2020) 'Conceived by Stalin — Implemented by Khrushchev (More on the Second Congress of the Soviet Writers)', *Russkaya literatura*, 3, pp. 232–241. doi: 10.31860/0131-6095-2020-3-232-241. (In Russian).

Kormilov, S. I. (2010) 'The Soviet Writers Second Congress as a Doorway to the Thaw', *Moscow University Philology Bulletin*, (4), pp. 48–65. (In Russian).

Popov, A. D. (2017a) 'See. Understand. Fall in Love: The Soviet Foreign Tourism and Public Diplomacy during the Cold War', *Modern History of Russia*, 7(4), pp. 148–160. doi: 10.21638/11701/spbu24.2017.411. (In Russian).

Popov, A. (2017b) 'Lost in translation', *Novoe Literaturnoe Obozrenie/ New Literary Observer*, 143(1), pp. 54–65. (In Russian).

Tregubov, N. A. (2016) 'The State Committee for Cultural Relations with Foreign Countries as the Department of Soviet Cultural Diplomacy (1957–1967)', *Upravlenie v sovremennyh sistemah*, (4), pp. 61–67.

Albuquerque, G. (2011) *La trinchera letrada : intelectuales latinoamericanos y guerra fría*. Santiago de Chile: Ariadna ediciones.

Hollander, P. (1990) *Political pilgrims : travels of Western intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba 1928–1978*. Lanham: University Press of America.

Mondello, E. (2018) 'Russia in Italo Calvino's and Alberto Moravia's Travel Notes', *Imagologiya i komparativistika*, (10), pp. 172–182. doi: 10.17223/24099554/10/9. (In Russian).

Pedemonte, R. (2015) 'Pablo Neruda, su tiempo y el «sentido de la historia»: postura ideológica y creación poética durante la Guerra Fría', *Ayer*, (2), pp. 159–185.

Rupprecht, T. (2015) *Soviet Internationalism after Stalin*. Cambridge: Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9781316212769.

Astrada, C. et al. (2007) *Hacia la revolución : viajeros argentinos de izquierda*. Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica.

Stern, L. (2006) *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920–40*. London: Routledge. doi: 10.4324/9780203008140.

- Zourek, M. (2017) 'Los viajes de los intelectuales latinoamericanos a Europa Oriental 1947–1956: organización, circuitos de contacto y reflexiones', *Ars & Humanitas*, 11(2), pp. 331–347. doi: 10.4312/ars.11.2.331-347.
- Zourek, M. (2019) *Praga y los intelectuales latinoamericanos (1947-1959)*. Rosario: Prohistoria Ediciones.
- Darmaros, M. F. (2018) 'Jorge Amado and the Soviet Union. Notes on the Topic', *Literature of the Americas*, (5), pp. 230–282. doi: 10.22455/2541-7894-2018-5-230-282. (In Russian).
- Savin, V. M. (2001) 'The New World's Conquest and the International Relations', *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*, (1), pp. 109–120. (In Russian).
- Tregubov, N. A. (2017) 'Soviet Agitational Impact on the Target Audience in Socialist, Developing and Capitalist Countries (Second Half of the 1940S – Mid of the 1960s)', *Upravlenie v sovremennyh sistemah*, (4), pp. 22–31. (In Russian).
- Chuprinin, S. (2020) *Ottepel': sobytiya. Mart 1953 – avgust 1968 goda [Thaw: Events. March 1953 - August 1968]*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russian).
- Eggeling, W. (1994) *Die sowjetische Literaturpolitik zwischen 1953 und 1970 zwischen Entdogmatisierung und Kontinuität. Bochum: Brockmeyer. (Russ. ed.: (1999) Politika i kul'tura pri Hruševe i Brežneve 1953-1970 gg. Moscow: AIRO-XX.)* (In Russian).
- Yurchak, A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne koncilos' : poslednee sovetskoe pokolenie [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russian).
- Rebêlo, M. (1956) *Cortina de ferro*. São paulo: Martins.
- Golubev, A. (2018) 'Zapadnyy nablyudatel' i zapadnyy vzglyad v affektivnom menedzhmente sovetskoy subektivnosti [The Western Observer and the Western Gaze in the Affective. Management of Soviet Subjectivity]', in *Posle Stalina: pozdnesovetskaya sub»ektivnost' (1953–1985)*: Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., pp. 219–253. (In Russian).
- Galenovic, J. M. (2011) *Kitajskie pomniki po KPSS i SSSR [Chinese commemoration for the CPSU and the USSR]*. Moscow: Vostochnaja Kniga Publ. (In Russian).

### **Информация об авторе**

**Кристина Романовна Буйнова** — кандидат исторических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)  
РИНЦ Author ID: 2532-9722 (spin-код: 647718). Scopus Author ID: 57190191470.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

### **Information about the author**

**Kristina R. Buynova** — PhD in History, Senior Lecturer of the Department of the Spanish Language, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)  
Scopus Author ID: 57190191470.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 16.06.2021; одобрена после рецензирования 29.08.2021; принята к публикации 6.09.2021.

The article was submitted 16.06.2021; approved after reviewing 29.08.2021; accepted for publication 6.09.2021.